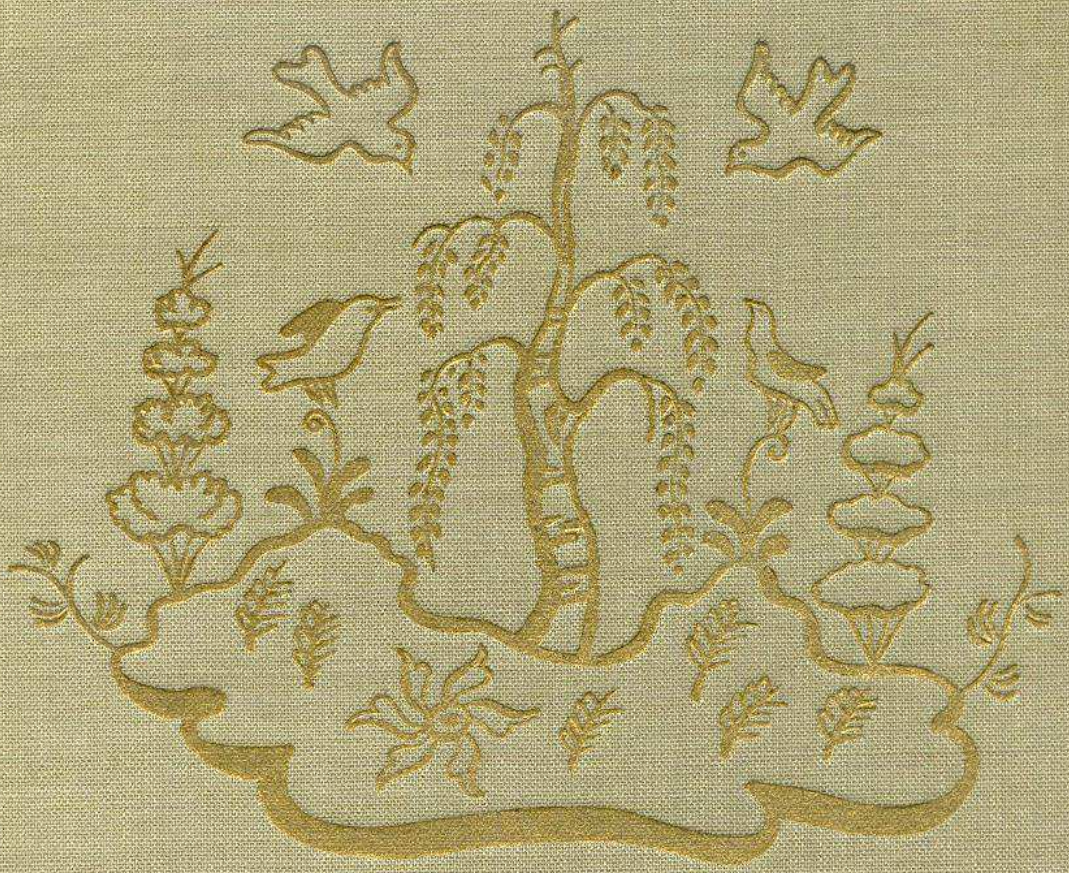
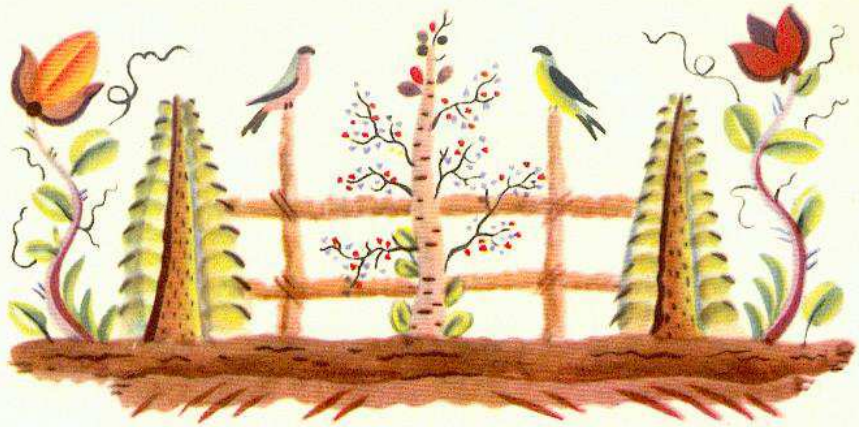


СТАРИК-ГОДОВИК

СТАРИК ГОДОВИК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
"ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА"
МОСКВА ~ 1966



СОБИРАТЕЛЬ СЛОВ

РОДИТЕЛЯМ И ВОСПИТАТЕЛЯМ

Владимир Иванович Даль жил давным-давно, в старые, незапамятные времена.

Родился он в 1801 году на юге России, в «Луганском заводе», поэтому, когда он потом стал писателем, то подписывал свои книжки именем «Казак Луганский». Шестьдесят лет прожил Даль при крепостном праве, когда помещики были полными хозяевами своих крестьян, могли продавать их, как коров, овец или лошадей.

Даль сначала был моряком, потом военным врачом, долгие годы служил в разных учреждениях, писал повести, рассказы и сказки, составлял учебники и книжки для детей. Но главным делом своей жизни он считал изучение языка русского народа. Один из первых русских писателей, он стал писать рассказы из народной жизни языком, каким говорил народ.

Даль близко сошёлся с лучшими писателями своего времени — с Пушкиным, Жуковским, Крыловым и Гоголем.

Александр Сергеевич Пушкин подарил Далю свою знаменитую «Сказку о рыбаке и рыбке» с надписью: «Сказочнику Казаку Луганскому — сказочник Александр Пушкин». Пушкин умер на руках у Даля. Перед смертью Пушкин подарил ему свой старинный перстень в память того, что оба они любили русский народ и его великий, богатый, живой язык. Ещё при первых встречах Пушкин говорил молодому Далю: «А что за роскошь, что за смысл, какой толк в каждой поговорке нашей! Что за золото! А не даётся в руки, нет...»

Чтобы это «золото» русского языка — поговорки, пословицы, загадки — «далось всем в руки», надо было его собрать. И Даль всю свою жизнь отдал этому делу. Он стал искателем, собирателем слов.

Да разве нужно собирать слова? — спросите вы.— Какой в этом толк? Слова — не ягоды, не грибы, они в лесу не растут, в лукошко их не уложишь...

И правда, слова в лесу не растут. Но они живут в народе, в разных краях и областях нашей большой земли, они родятся и умирают, у них есть родители и дети... Как это — слова родятся?

Во времена Даля не было, например, таких слов, какие сейчас знает всякий школьник: «колхоз», «комсомол»...

Эти слова родились после Октябрьской революции, при советской власти, когда появились у нас колхозы, когда организовался ленинский комсомол.

Не было в те времена, когда жил Даль, и слов «автомобиль», «аэроплан» — по той простой причине, что эти машины не были ещё изобретены.

А вот такие слова, как «боярин», «государь», уходят из нашей речи и живут только в исторических книгах.

А сколько же слов у человека? И много и мало.

У маленького ребёнка слова наперечёт. Когда он подрастёт, — у него их десятки, потом сотни, потом тысячи. Чем больше слов знает человек, тем легче ему выражать свои мысли и чувства. Иному школьнику, если попросить его записать все слова, которыми он пользуется, понадобится одна тоненькая тетрадка. А вот сейчас издаётся словарь всех слов, которые употреблял Пушкин в своих сочинениях: это четыре толстых тома в две колонки, напечатанных мелким шрифтом. В этом словаре много тысяч слов.

А много ли слов у народа? У народа слов ещё больше. Вот собирателем слов, которыми богат наш народ, и был Владимир Иванович Даль.

Нам в наследство от Даля остался его «Словарь живого великорусского языка». Полвека — пятьдесят лет — Даль собирал, составлял, издавал, улучшал и дополнял свой «Словарь». Начал он эту работу юношей, а кончил стариком.

Сама жизнь Даля — постоянные переезды с места на место, встречи с разными людьми — как бы помогала ему стать собирателем слов. Когда он был моряком, плавал на кораблях по Балтийскому и Чёрному морям, он собрал много слов в разговорах с матросами.

Потом, когда Даль стал военным врачом, он сблизился с солдатами, вслушивался в их разговоры и записывал народные слова и выражения.

«Бывало, на днёвке, — рассказывал Даль, — соберёшь вокруг себя солдат из разных мест, да и начнёшь расспрашивать, как такой-то предмет в той или иной местности называется».

Он записывал не одни только названия предметов, а подхватывал на лету меткие народные словечки, пословицы, поговорки, прибаутки, скороговорки. Когда он был в армии, у него накопилось

столько записей, что для перевозки его бумаг в походе понадобился вьючный верблюд. Это было во время войны. И случилось так, что однажды этот верблюд пропал.

«Я осиротел с утратой своих записок, — говорил Даль. — Но, к счастью, через неделю казаки отбили где-то моего верблюда и привели его в лагерь».

Уже готовя словарь свой к изданию, Даль так много работал, что часто чувствовал себя плохо. Родные уговаривали его отдохнуть, но он отвечал:

«Ах, дожить бы до конца словаря! Спустить бы корабль в воду!»

Мечта его осуществилась: он довёл дело своей жизни до конца.

В 1862 году Даль напечатал книгу «Пословицы русского народа», а в 1868 году, за четыре года до смерти, закончил свой «Словарь».

И с тех пор эти книги Даля стоят на полках русских библиотек, и все образованные русские люди пользуются ими.

«Словарь» Даля стоял на полке рядом с письменным столом Владимира Ильича Ленина в Кремле, и Ленин часто читал его, радуясь богатству русского языка.

В этой маленькой книге мы напечатали для детей некоторые сказки, загадки, пословицы и поговорки из тех, что собрал когда-то Владимир Иванович Даль.

И. Халтурин

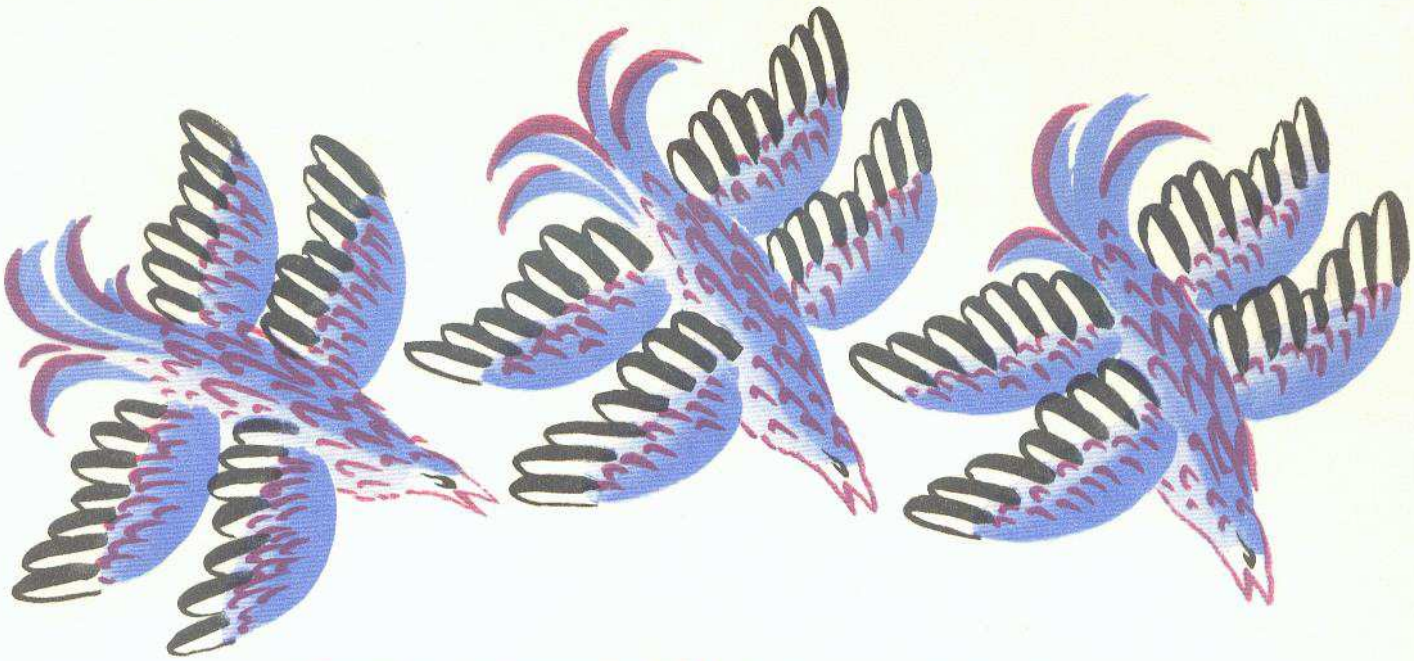
В. И. ДАЛЬ

СТАРИК ГОДОВИК

СКАЗКИ
ЗАГАДКИ
ПОСЛОВИЦЫ
ИГРЫ

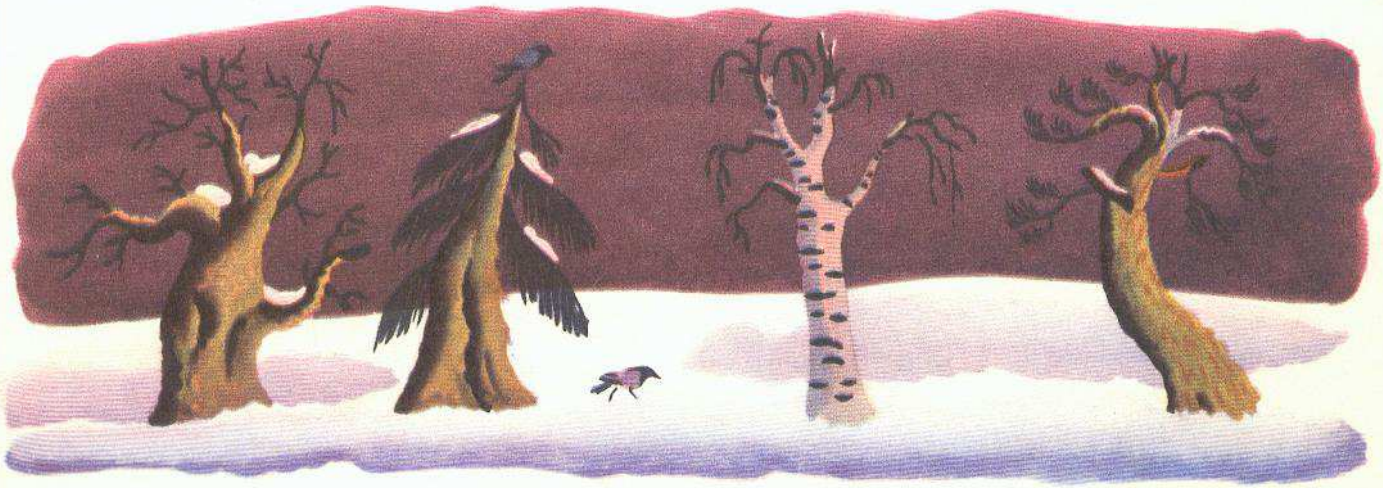
СОСТАВИЛ
ИВАН ХАЛТУРИН

РИСУНКИ
В. КОНАШЕВИЧА

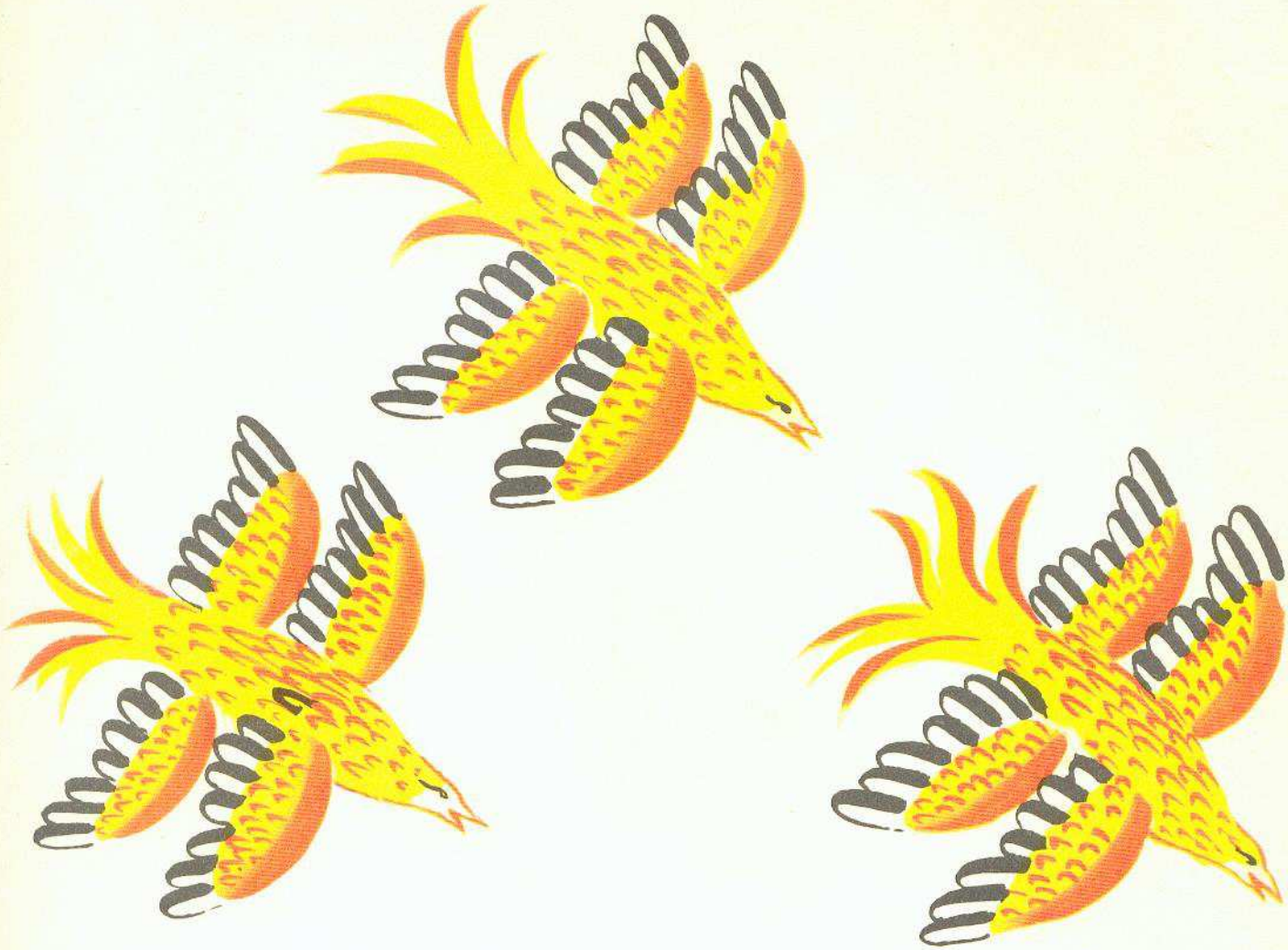


СТАРИК ГОДОВИК

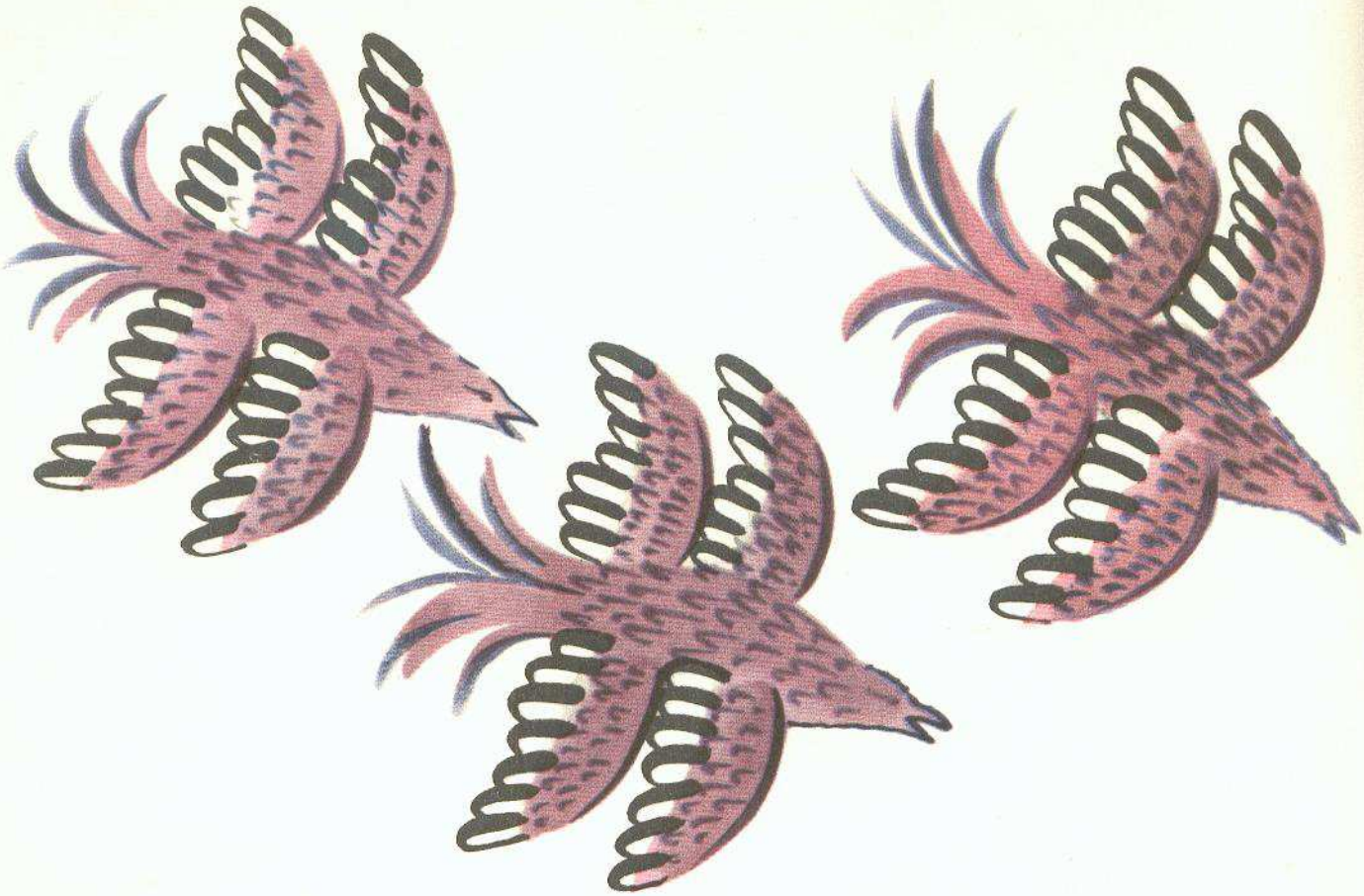
Вышел старик-годовик. Стал он махать рукавом и пускать птиц. Каждая птица со своим особым именем. Махнул старик-годовик первый раз — и полетели первые три птицы. Повеял холод, мороз.



Махнул старик-годовик второй раз — и полетела вторая тройка. Снег стал таять, на полях показались цветы.



Махнул старик-годовик третий раз — полетела третья тройка. Стало жарко, душно, знойно. Мужики стали жать рожь.



Махнул старик-годовик четвёртый раз — и полетели ещё три птицы. Подул холодный ветер, посыпался частый дождь, залегли туманы.

А птицы были не простые. У каждой птицы по четыре крыла. В каждом крыле по семи перьев. Каждое перо тоже со своим именем. Одна половина пера белая, другая — чёрная. Махнёт птица раз — станет светлым-светло, махнёт другой — станет темным-темно.

Что это за птицы вылетели из рукава старика-годовика?

Какие это четыре крыла у каждой птицы?

Какие семь перьев в каждом крыле?

Что это значит, что у каждого пера одна половина белая, а другая — чёрная?

ЗАГАДКИ

Что выше лесу?

(Солнышко.)

Над бабушкиной избушкой висит хлеба краюшка.

(Месяц.)

Вся дорожка обсыпана горошком.

(Звёзды на небе.)

Сестра к брату в гости идёт, а он от неё пятится.

(День и ночь.)

Махнула птица крылом и покрыла весь свет одним пером.

(Ночь.)

Зимой греет, весной тлеет, летом умирает, осенью оживает.

(Снег.)

ДЕВОЧКА СНЕГУРОЧКА

СКАЗКА

Жили-были старик со старухой, у них не было ни детей, ни внучат. Вот вышли они за ворота в праздник, посмотреть на чужих ребят, как они из снегу комочки катают, в снежки играют. Старик поднял комочек, да и говорит:

— А что, старуха, кабы у нас с тобой была дочка, да такая беленькая, да такая кругленькая!

Старуха на комочек посмотрела, головой покачала, да и говорит:

— Что ж будешь делать — нет, так и взять негде.

Однако старик принёс комочек снегу в избу, положил в горшочек, накрыл ветошкой и поставил на окошко. Взошло солнышко, пригрело горшочек, и снег стал таять. Вот и слышат старики — пищит что-то в горшочке под ветошкой; они к окну — глядь, а в горшочке лежит девочка, беленькая, как снежок, и кругленькая, как комок, и говорит им:

— Я девочка Снегурочка, из вешнего снегу скатана, вешним солнышком пригрета и нарумянена.

Вот старики обрадовались, вынули её, да ну старуха скорее шить да кроить, а старик, завернув Снегурочку в полотенечко, стал её нянчить и пестовать:

Спи, наша Снегурочка,
Сдобная кокурочка,
Из вешнего снегу скатана,
Вешним солнышком пригретая!
Мы тебя станем поить,
Мы тебя станем кормить,
В цветно платье рядить,
Уму-разуму учить!

Вот и растёт Снегурочка на радость старикам, да такая-то умная, такая-то разумная, что такие только в сказках живут, а взаправду не бывают.

Всё шло у стариков как по маслу: и в избе хорошо,

и на дворе неплохо, скотинка зиму перезимовала, птицу выпустили на двор. Вот как перевели птицу из избы в хлев, тут и случилась беда: пришла к стариковой Жучке лиса, прикинулась больной и ну Жучку умаливать, тоненьким голосом упрашивать:

— Жученька, Жучок, беленькие ножки, шёлковый хвостик, пусти в хлевушок погреться!

Жучка, весь день за стариком в лесу пробегавши, не знала, что старуха птицу в хлев загнала, сжалилась над больной лисой и пустила её туда. А лиска двух кур задушила да домой утащила. Как узнал про это старик, так Жучку прибил и со двора согнал.

— Иди, — говорит, — куда хочешь, а мне ты в сторожа не годишься!

Вот и пошла Жучка, плача, со старикова двора, а пожалели о Жучке только старушка да девочка Снегурочка.

Пришло лето, стали ягоды поспевать, вот и зовут подружки Снегурочку в лес по ягодки. Старики и слышать не хотят, не пускают. Стали девочки обещать, что Снегурочку они из рук не выпустят, да и Снегурочка сама просится ягодок побрать да на лес посмотреть. Отпустили её старики, дали кузовок да пирожка кусок.

Вот и побежали девчонки со Снегурочкой под ручки, а как в лес пришли да увидали ягоды, так все про всё позабыли, разбежались по сторонам, ягодки берут да аукаются, в лесу друг дружке голос подают.

Ягод понабрали, а Снегурочку в лесу потеряли.

Стала Снегурочка голос подавать — никто ей не откликается. Заплакала бедняжка, пошла дорогу искать, хуже того заплуталась; вот и влезла на дерево и кричит: „Ау! ау!“

Идёт медведь, хворост трещит, кусты гнутся:

— О чём, девица, о чём, красная?

— Ау-ау! Я девочка Снегурочка, из вешнего снегу скатана, вешним солнцем подрумянена, выпросили меня подружки у дедушки, у бабушки, в лес завели и покинули!

— Слезай, — сказал медведь, — я тебя домой доведу!

— Нет, медведь, — отвечала девочка Снегурочка, — я не пойду с тобой, я боюсь тебя — ты съешь меня!

Медведь ушёл.

Бежит серый волк:

— Что, девица, плачешь, что, красная, рыдаешь?

— Ау-ау! Я девочка Снегурочка, из вешнего снегу скатана, вешним солнышком подрумянена, выпросили меня подружки у дедушки, у бабушки в лес по ягоды, а в лес завели, да и покинули!

— Слезай, — сказал волк, — я доведу тебя до дому!

— Нет, волк, я не пойду с тобой, я боюсь тебя — ты съешь меня!

Волк ушёл. Идёт Лиса Патрикеевна:

— Что, девица, плачешь, что, красная, рыдаешь?

— Ау-ау! Я девочка Снегурочка, из вешнего снегу скатана, вешним солнышком подрумянена, выпросили меня подружки у дедушки, у бабушки в лес по ягоды, а в лес завели, да и покинули!

— Ах, красавица! Ах, умница! Ах, горемычная моя! Слезай скорёхонько, я тебя до дому доведу!

— Нет, лиса, льстивы слова, я боюся тебя — ты меня к волку заведёшь, ты медведю отдашь... Не пойду я с тобой!

Стала лиса вокруг дерева обхаживать, на девочку Снегурочку поглядывать, с дерева её сманивать, а девочка не идёт.

— Гам, гам, гам! — залаяла собака в лесу.

А девочка Снегурочка закричала:

— Ау-ау, Жученька! Ау-ау, милая! Я здесь — девочка Снегурочка, из вешнего снегу скатана, вешним солнышком подрумянена, выпросили меня подруженьки у дедушки, у бабушки в лес по ягодки, в лес завели, да и покинули. Хотел меня медведь унести, я не пошла с ним; хотел волк увести, я отказала ему; хотела лиса сманить, я в обман не далась; а с тобой, Жучка, пойду!

Вот как услыхала лиса собачий лай, так махнула пушняком своим и была такова!

Снегурочка с дерева слезла, Жучка подбежала, её лобызала, всё личико облизала и повела домой.

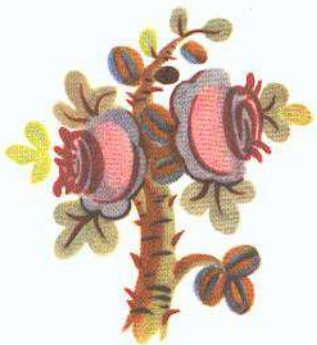
Стоит медведь за пнём, волк на прогалине, лиса по кустам шныряет.

Жучка лает, заливается, все её боятся, никто не приступается.

Пришли они домой; старики с радости заплакали. Снегурочку напоили, накормили, спать уложили, одеяльцем накрыли:

Спи, наша Снегурочка,
Сдобная кокурочка,
Из вешнего снегу скатана,
Вешним солнышком пригретая!
Мы тебя станем поить,
Мы тебя станем кормить,
В цветно платьице рядить,
Уму-разуму учить!

Жучку простили, молоком напоили, приняли в милость, на старое место приставили, стеречь двор заставили.



ЗАГАДКИ

Скатерть бела весь свет одела.
(Снег.)

Мостится мост без досок, без топора, без клина.
(Лёд.)

ПОСЛОВИЦЫ

Волка бояться — в лес не ходить.

Скучен день до вечера, коли делать нечего.

Не учи безделью, а учи рукоделью.

ЖУРАВЛЬ И ЦАПЛЯ

СКАЗКА

Летала сова — весёлая голова; вот она летела, летела, да и села, головой повертела, по сторонам посмотрела, снялась и опять полетела; летала, летала да села, головой повертела, по сторонам посмотрела, а глаза у неё как плошки, не видят ни крошки!

Это не сказка, это присказка, а сказка впереди.

Пришла весна по зиму и ну её солнышком гнать-допекать, а травку-муравку из земли вызывать; высыпала-выбежала травка на солнышко поглядеть, вынесла цветы первые — подснежные: и голубые и белые, сине-алые и жёлто-серые.

Потянулась из-за моря перелётная птица: гуси да лебеди, журавли да цапли, кулики да утки, певчие пташки и хвастунья-синичка. Все слетелись к нам на Русь гнёзда вить, семьями жить. Вот разошлись они по своим краям: по степям, по лесам, по болотам, по ручьям.

Стоит журавль один в поле, по сторонам всё поглядывает, головушку поглаживает, а сам думает: „Надо-де мне хозяйством обзавестись, гнездо свить да хозяюшку добыть“.

Вот свил он гнездо вплоть у болота, а в болоте, в кочкарнике, сидит долгоносая-долгоносая цапля, сидит, на журавля поглядывает да про себя посмеивается: „Ведь уродился же неуклюжий какой!“

Тем временем надумался журавль: „Дай, говорит, посватаю цаплю, она в наш род пошла: и клюв наш, и на ногах высока“. Вот и пошёл он нетореной дорожкой по болоту: тяп да тяп ногами, а ноги да хвост так и вязнут; вот он упрётся клювом — хвост вытащит, а клюв увязнет, клюв вытащит — хвост увязнет; насилу до цаплиной кочки дошёл, поглядел в тростник и спрашивает:

— А дома ли сударушка-цапля?

— Здесь она. Что надо? — ответила цапля.

— Иди за меня замуж, — сказал журавль.

— Как не так, пойду я за тебя, за долговязого: на тебе и платье короткое, и сам ты пешком гуляешь, скупо живёшь, меня на гнезде с голоду уморишь!

Слова эти показались журавлю обидными. Молча он повернул, да и пошёл домой: тяп да тяп, тяп да тяп.

Цапля, сидючи дома, пораздумалась: „А что ж, и вправду,

для чего я ему отказала, нешто мне лучше жить одной? Он хорошего роду, зовут его щегольком, ходит с хохолком; пойду к нему доброе слово перемолвить".

Пошла цапля, а путь по болоту не близок: то одну ногу увязит, то другую. Одну вытащит — другую увязит. Крылышко вытащит — клюв засадит; ну пришла и говорит:

— Журавль, я иду за тебя!

— Нет, цапля, — говорит ей журавль, — уж я раздумал, не хочу на тебе жениться. Иди туда, откуда пришла!

Стыдно стало цапле, закрылась она крылышком и пошла к своей кочке; а журавль, глядя за нею, пожалел, что отказал; вот он выскочил из гнезда и пошёл следом за нею болото месить. Приходит и говорит:

— Ну, так уж быть, цапля, я беру тебя за себя.

А цапля сидит сердитая-пресердитая и говорить с журавлём не хочет.

— Слышь, сударыня-цапля, я беру тебя за себя, — повторил журавль.

— Ты берёшь, да я не иду, — отвечала она.

Нечего делать, пошёл опять журавль домой. „Этакая нравная, — подумал он, — теперь ни за что не возьму её!“

Уселся журавль в траве и глядеть не хочет в ту сторону, где цапля живёт. А та опять передумала: „Лучше жить вдвоём, чем одной. Пойду помирюсь с ним и выйду за него“.

Вот и пошла опять ковылять по болоту. Путь до журавля долог, болото вязко: то одну ножку увязит, то другую. Крылышко вытащит — клюв засадит; насилу добралась до журавлиного гнезда и говорит:

— Журонька, послушай-ка, так и быть, я иду за тебя!

А журавль ей в ответ:

— Нейдёт Федóра за Егора, а и пошла бы Федора за Егора, да Егор не берёт.

Сказав такие слова, журавль отвернулся. Цапля ушла.

Думал, думал журавль, да опять пожалел, для чего было ему не согласиться взять за себя цаплю, пока та сама хотела; встал скорёхонько и пошёл опять по болоту: тяп, тяп ногами, а ноги да хвост так и вязнут; вот упрётся он клювом, хвост вытащит — клюв увязит, а клюв вытащит — хвост увязнет.

Вот так-то и по сию пору ходят они друг за дружкой; дорожку проторили, а пива не сварили.

ПОСЛОВИЦЫ

Под лежачий камень и вода не течёт.

Труд человека кормит, а лень портит.

Дело мастера боится.

ЗАГАДКИ

Два братца в воду глядятся, век не сойдутся.
(Речные берега.)

Один говорит: „Побежим, побежим“.
Другой говорит: „Постоим, постоим“.
Третий говорит: „Пошатаемся, пошатаемся“.
(Вода, берег, трава.)

СКОРОГОВОРКА

Хохлатые хохотуши хохотом хохотали:
— Ха-ха-ха-ха-ха!

ПОЛЕТУШКИ

ИГРА

Все дети садятся вокруг стола и кладут по пальцу на стол.

Вожак начинает игру, называет какую-нибудь птицу либо летучее насекомое, а назвав его, подымает палец вверх и быстро опускает его на стол.

Дети должны делать то же. Если же кто прозевает лететь, то есть поднять или опустить палец, или полетит тогда, когда вожак обманывает, называя нелетучую тварь или вещь, то даёт залог. Залоги после разыгрываются.

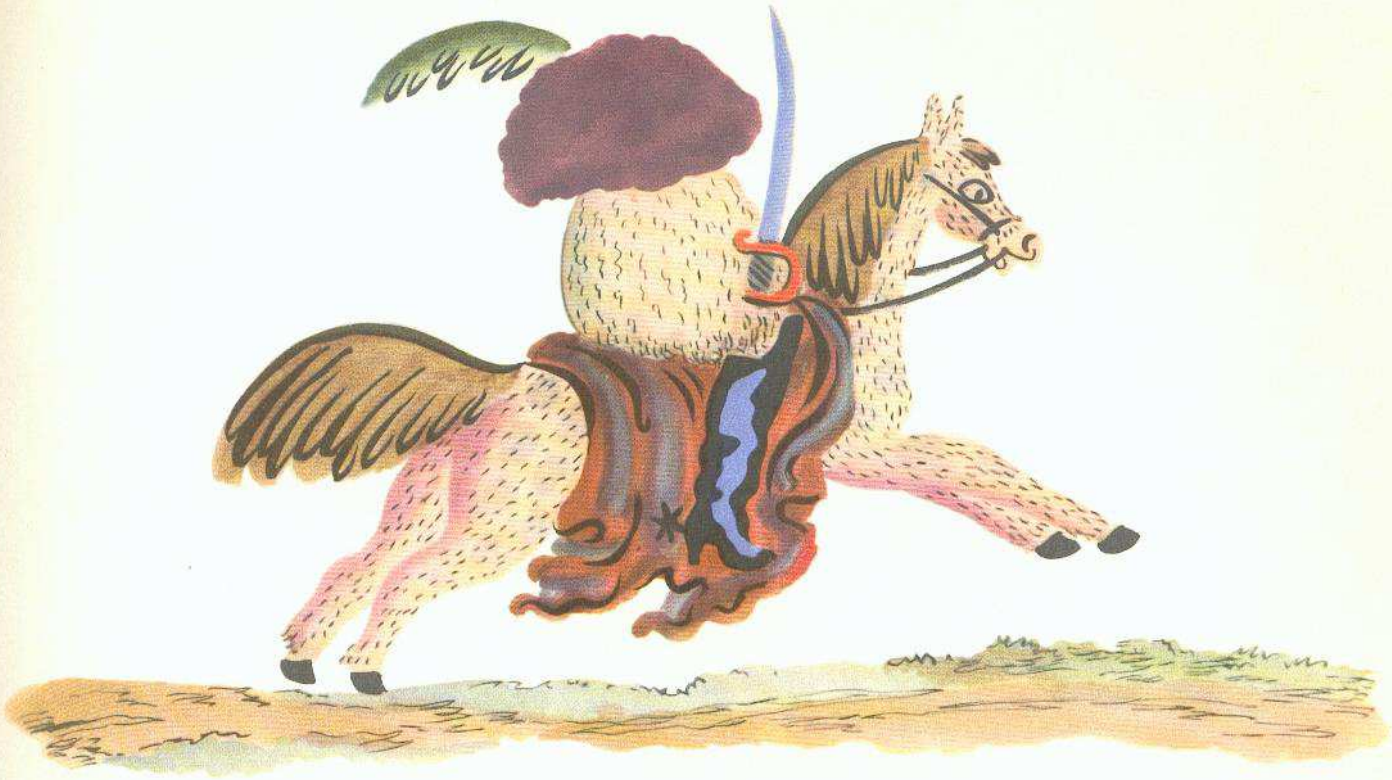
Вот пример. Вожак, подымая палец, говорит:

— Сова летит, сама летит! — Дети подымают и опускают пальцы.

Петушок летит, кочеток летит! — Пальцы подымаются и опускаются.

— Козелок летит! — говорит вожак, подымая и опуская палец.

Кто из детей полетел с козелком, тот даёт залог.



ВОЙНА ГРИБОВ С ЯГОДАМИ

СКАЗКА

Красным летом всего в лесу много — и грибов всяких и всяких ягод: земляники с черникой, и малины с ежевикой, и чёрной смородины. Ходят девки по лесу, ягоды собирают, песенки распевают, а гриб-боровик, под дубочком сидючи, и пыжится, дуется, из земли прёт, на ягоды гневается: „Вишь, что их уродилось! Бывало, и мы в чести, в почёте, а ныне никто на нас и не посмотрит! Постой же, — думает боровик, всем грибам голова, — нас, грибов, сила великая — пригнетём, задушим её, сладкую ягоду!“

Задумал-загадал боровик войну, под дубом сидючи, на все грибы глядючи, и стал он грибы сзывать, стал помочь скликать:

— Идите вы, волнушки, выступайте на войну!

Отказалися волнушки:

— Мы все старые старушки, не повинны на войну.

— Идите вы, опёнки!

Отказалися опёнки:

— У нас ноги больно тонки, не пойдём на войну!

— Эй вы, сморчки! — крикнул гриб-боровик. — Снаряжайтесь на войну!

Отказалися сморчки; говорят:

— Мы старички, уж куда нам на войну!

Рассердился гриб, прогневался боровик, и крикнул он громким голосом:

— Грузди, вы ребята дру́жны, идите со мной воевать, кичливую ягоду избивать!

Откликнулись грузди с подгруздками:

— Мы грузди, братья дружны, мы идём с тобой на войну, на лесную и полевую ягоду, мы её шапками закидаем, пято́й затопчем!

Сказав это, грузди полезли дружно из земли, сухой лист над головами их вздымается, грозная рать подымается.

„Ну, быть беде“, — думает зелёная травка.

А на ту пору пришла с коробом в лес тётка Варвара — широкие карманы. Увидав великую груздевую силу, ахнула, присела и ну грибы сподряд брать да в кузов класть. Набрала его полным-полнёшенько, насилу до дому донесла, а дома разобрала грибки по родам да по званию: волнушки — в кадушки, опёнки — в бочонки, сморчки — в бурачки, груздки — в кузовки, а наибольший гриб-боровик попал в вязку; его пронизали, высушили, да и продали.

С той поры перестал гриб с ягодою воевать.

ЗАГАДКА

Маленький-удаленький сквозь землю прошёл,
красну шапочку нашёл.
(Гриб.)

ПОСЛОВИЦЫ

Не рой другому яму, сам в неё попадёшь.

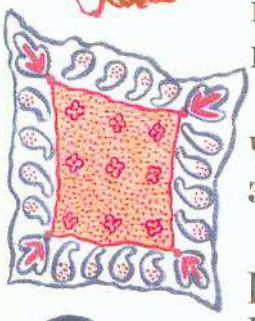
Молодец на овец, а на молодца и сам овца.

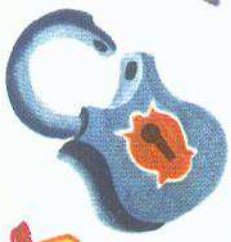
У страха глаза что плошки, а не видит ни крошки.

Смелость города берёт.

КУЗОВОК

ИГРА





Дети садятся играть. Один из них ставит на стол корзинку и говорит соседу:

— Вот тебе кузовок, клади в него что есть на **ок**, обмолвишься — отдашь залог.

Дети по очереди говорят слова в рифму на **ок**: „Я положу в кузовок клубок; а я платок; я замок, сучок, коробок, сапожок, башмачок, чулок, утюжок, воротничок, сахарок, мешок, листок, лепесток, колобок“ и проч.

По окончании разыгрываются залоги: покрывают корзинку, и один из детей спрашивает:

— Чей залог вынется, что тому делать?

Дети по очереди назначают каждому залогу выкуп — например, попрыгать по комнате на одной ножке или в четырёх углах дело поделать: в одном постоять, в другом поплясать, в третьем поплакать, в четвёртом посмеяться; или басенку сказать, загадку загадать, или сказочку рассказать, или песенку спеть.

Лиса и Медведь

СКАЗКА

Жила-была кума-Лиса; надоело Лисе на старости самой о себе промышлять, вот и пришла она к Медведю и стала проситься в жилички:

— Впусти меня, Михайло Потапыч, я лиса старая, учёная, места займу немного, не объем, не обопью, разве только после тебя поживлюсь, косточки огложу.

Медведь, долго не думав, согласился. Перешла Лиса на житьё к Медведю и стала осматривать да обнюхивать, где что у него лежит. Мишенька жил с запасом, сам досыта наедался и Лисоньку хорошо кормил. Вот заприметила она в сенцах на полочке кадочку с мёдом, а Лиса, что Медведь, любит сладко поесть; лежит она ночью, да и думает, как бы ей уйти да медку полизать; лежит, хвостиком постукивает да Медведя спрашивает:

— Мишенька, никак, кто-то к нам стучится?

Прислушался Медведь.

— И то, — говорит, — стучат.

— Это, знать, за мной, за старой лекаркой пришли.

— Ну что ж, — сказал Медведь, — иди.

— Ох, куманёк, что-то не хочется вставать!

— Ну, ну, ступай, — понукал Мишка, — я и дверей за тобой не стану запирать.

Лиса заохала, слезла с печи, а как за дверь вышла, откуда и прыть взялась! Вскарабкалась на полку и ну починать кадочку; ела, ела, всю верхушку съела, досыта наелась; закрыла кадочку ветошкой, прикрыла кружком, заложила камешком, всё прибрала, как у Медведя было, и воротилась в избу как ни в чём не бывало.

Медведь её спрашивает:

— Что, кума, далеко ль ходила?

— Близёхонько, куманёк; звали соседки, ребёнок у них захворал.

— Что же, полегчало?

— Полегчало.

— А как зовут ребёнка?

— Верхушечкой, куманёк.

— Не слыхал такого имени, — сказал Медведь.

— И-и, куманёк, мало ли чудны́х имён на свете живёт!

Медведь уснул, и Лиса уснула.

Понравился Лисе медок, вот и на другую ночку лежит, хвостом об лавку постукивает:

— Мишенька, никак, опять кто-то к нам стучится?

Прислушался Медведь и говорит:

— И то, кума, стучат!

— Это, знать, за мной пришли!

— Ну что же, кумушка, иди, — сказал Медведь.

— Ох, куманёк, что-то не хочется вставать, старые косточки ломать!

— Ну, ну, ступай, — понукал Медведь, — я и дверей за тобой не стану запирать.

Лиса заохала, слезла с печи, поплелась к дверям, а как за дверь вышла, откуда и прыть взялась! Вскарабкалась на полку, добралась до мёду, ела, ела, всю серёдку съела; наевшись досыта, закрыла кадочку тряпочкой, прикрыла кружком, заложила камешком, всё, как надо, убрала и вернулась в избу.

А Медведь её спрашивает:

— Далеко ль, кума, ходила?

— Близёхонько, куманёк. Соседи звали, у них ребёнок захворал.

— Что ж, полегчало?

— Полегчало.

— А как зовут ребёнка?

— Серёдочкой, куманёк.

— Не слыхал такого имени, — сказал Медведь.

— И-и, куманёк, мало ли чудны́х имён на свете живёт! — отвечала Лиса.

С тем оба и заснули.

Понравился Лисе медок; вот и на третью ночь лежит, хвостиком постукивает да сама Медведя спрашивает:

— Мишенька, никак, опять к нам кто-то стучится?

Послушал Медведь и говорит:

— И то, кума, стучат.

— Это, знать, за мной пришли.

— Что же, кума, иди, коли зовут, — сказал Медведь.

— Ох, куманёк, что-то не хочется вставать, старые косточки ломать! Сам видишь — ни одной ночки соснуть не дают!

— Ну, ну, вставай, — понукал Медведь, — я и дверей за тобой не стану запирать.

Лиса заохала, закряхтела, слезла с печи и поплелась к дверям, а как за дверь вышла, откуда и прыть взялась! Вскарабкалась на полку и принялась за кадочку; ела, ела, все последки съела; наевшись досыта, закрыла кадочку тряпочкой, прикрыла кружком, пригнела камешком и всё, как надо быть, убрала. Вернувшись в избу, она залезла на печь и свернулась калачиком.

А Медведь стал Лису спрашивать:

— Далеко ль, кума, ходила?

— Близёхонько, куманёк. Звали соседи ребёнка полечить.

— Что ж, полегчало?

— Полегчало.

— А как зовут ребёнка?

— Последышком, куманёк, Последышком, Потапович!

— Не слыхал такого имени, — сказал Медведь.

— И-и, куманёк, мало ли чудных имён на свете живёт!

Медведь заснул, и Лиса уснула.

Вдолге ли, вкоротке ли, захотелось опять Лисе мёду — ведь Лиса сластёна, — вот и прикинулась она больной: кахи да кахи, покою не даёт Медведю, всю ночь прокашляла.

— Кумушка, — говорит Мишка, — хоть бы чем ни на есть полечилась.

— Ох, куманёк, есть у меня снадобьеце, только бы медку в него подбавить, и всё как есть рукой сымет.

Встал Мишка с полатей и вышел в сени, снял кадку — ан кадка пуста!

— Куда девался мёд? — заревел Медведь. — Кума, это твоих рук дело!

Лиса так закашлялась, что и ответа не дала.

— Кума, кто съел мёд?

— Какой мёд?

— Да мой, что в кадочке был!

— Коли твой был, так, значит, ты и съел, — отвечала Лиса.

— Нет, — сказал Медведь, — я его не ел, всё про случай берёг; это, знать, ты, кума, сшалила?

— Ах ты, обидчик этакий! Зазвал меня, бедную сироту, к себе, да и хочешь со свету сжить! Нет, друг, не на такую напал! Я, лиса, мигом виноватого узнаю, разведаю, кто мёд съел.

Вот Медведь обрадовался и говорит:

— Пожалуйста, кумушка, разведай!

— Ну что ж, ляжем против солнца — у кого мёд из живота вытопится, тот его и съел.

Вот легли, солнышко их пригрело. Медведь захрапел, а Лисонька — скорее домой: соскребла последний медок из кадки, вымазала им Медведя, а сама, умыв лапки, ну Мишеньку будить.

— Вставай, вора нашла! Я вора нашла! — кричит в ухо Медведю Лиса.

— Где? — заревел Мишка.

— Да вот где, — сказала Лиса и показала Мишке, что у него всё брюхо в меду.

Мишка сел, протёр глаза, провёл лапой по животу — лапа так и льнёт, а Лиса его корит:

— Вот видишь, Михайло Потапович, солнышко-то мёд из тебя вытопило! Вперёд, куманёк, своей вины на другого не сваливай!

Сказав это, Лиска махнула хвостом, только Медведь и видел её.

ПОСЛОВИЦЫ

Лиса всё хвостом прикроет.

Когда ищешь лису впереди, то она позади.

Кто хвалится, тот с горы свалится.

Без труда не вынешь и рыбку из пруда.

ЛИСА-ЛАПОТНИЦА

СКАЗКА

Зимней ночью шла голодная кума по дорожке; на небе тучи нависли, по полю снежком порошит.

„Хоть бы на один зуб чего перекусить“, — думает лисонька. Вот идёт она путём-дорогой; лежит ошмёток. „Что же, — думает лиса, — ину пору и лапоток пригодится“. Взяла лапоть в зубы и пошла далее. Приходит в деревню и у первой избы постучалась.

— Кто там? — спросил мужик, открывая оконце.

— Это я, добрый человек, лисичка-сестричка. Пусти переночевать!

— У нас и без тебя тесно! — сказал старик и хотел было задвинуть окошечко.

— Что мне, много ли надо? — просилась лиса. — Сама лягу на лавку, а хвостик под лавку, — и вся тут.

Сжалился старик, пустил лису, а она ему и говорит:

— Мужичок, мужичок, спрячь мой лапоток!

Мужик взял лапоть и кинул его под печку.

Вот ночью все заснули, лисичка слезла тихонько с лавки, подкралась к лаптю, вытащила его и закинула далеко в печь, а сама вернулась как ни в чём не бывало, легла на лавочку и хвостик спустила под лавочку.

Стало светать. Люди проснулись; старуха затопила печь, а старик стал снаряжаться в лес по дрова.

Проснулась и лисица, побежала за лапотком — глядь, а лаптя как не бывало. Взвыла лиса:

— Обидел старик, поживился моим добром, а я за свой лапоток и курочки не возьму!

Посмотрел мужик под печь: нет лаптя! Что делать? А ведь сам клал! Пошёл, взял курицу и отдал лисе. А лиса ещё ломаться стала, курицы не берёт, и на всю деревню воет, орёт о том, как разобидел её старик.

Хозяин с хозяйкой стали ублажать лису: налили в чашку молока, покрошили хлеба, сделали яичницу и стали лису просить не побрезгать хлебом-солью. А лисе только того и хотелось. Вскочила на лавку, поела хлеб, вылакала молочка, уплела яичницу, взяла курицу, положила в мешок, простилась с хозяевами и пошла своим путём-дорогой.

Идёт да песенку попевает:

Лисичка-сестричка
Тёмной ноченькой
Шла голодная;
Она шла да шла,
Ошмёток нашла —
В люди снесла,
Добрым людям сбыла,
Курочку взяла.

Вот подходит она вечером к другой деревне. Стук, тук, тук, — стучит лиса в избу.

— Кто там? — спросил мужик.

— Это я, лисичка-сестричка. Пусти, дядюшка, переночевать!

— У нас и без тебя тесно, ступай дальше, — сказал мужик, захлопнув окно.

— Я вас не потесню, — говорила лиса. — Сама лягу на лавку, а хвост под лавку, — и вся тут!

Пустили лису. Вот поклонилась она хозяину и отдала ему на сбережение свою курочку, сама же смирнёхонько улеглась в уголок на лавку, а хвостик подвернула под лавку.

Хозяин взял курочку и пустил её к уткам за решётку. Лисица всё это видела и, как заснули хозяева, слезла тихонько с лавки, подкралась к решётке, вытащила свою курочку, ощипала, съела, а пёрышки с косточками зарыла

под печью; сама же, как добрая, вскочила на лавку, свернулась клубочком и уснула.

Стало светать; баба принялась за печь, а мужик пошёл скотинке корму задать.

Проснулась и лиса, начала собираться в путь; поблагодарила хозяев за тепло, за угрев и стала у мужика спрашивать свою курочку.

Мужик полез за курицей — глядь, а курочки как не бывало! Оттуда — сюда, перебрал всех уток: что за диво — курицы нет как нет!

А лиса стоит, да голосом и причитает:

— Курочка моя, чернушка моя, заклевали тебя пёстрые утки, забили тебя сизые селезни! Не возьму я за тебя любой утицы!

Сжалилась баба над лисой и говорит мужу:

— Отдадим ей уточку да покормим её на дорогу!

Вот напоили, накормили лису, отдали ей уточку и проводили за ворота.

Идёт кума-лиса, облизываясь, да песенку свою попевает:

Лисичка-сестричка
Тёмной ноченькой
Шла голодная;
Она шла да шла,
Ошмёток нашла —
В люди снесла,
Добрым людям сбыла:
За ошмёток — курочку,
За курочку — уточку.

Шла лиса близко ли, далеко ли, долго ли, коротко ли — стало смеркаться. Завидела она в стороне жильё и свернула туда; приходит: тук, тук, тук в дверь!

— Кто там? — спрашивает хозяин.

— Я, лисичка-сестричка, сбилась с дороги, вся перезябла и ноженьки отбила бежавши! Пусти меня, добрый человек, отдохнуть да обогреться!

— И рад бы пустить, кумушка, да некуда!

— И-и, куманёк, я непривередлива: сама лягу на лавку, а хвост подверну под лавку, — и вся тут!

Подумал, подумал старик, да и пустил лису. А лиса и рада. Поклонилась хозяевам, да и просит их сберечь до утра её уточку-плосконосочку.

Приняли уточку-плосконосочку на сбережение и пустили её к гусям. А лисичка легла на лавку, хвост подвернула под лавку и захрапела.

— Видно, сердечная, умаялась, — сказала баба, влезая на печку.

Невдолге заснули и хозяева, а лиса только того и ждала: слезла тихонько с лавки, подкралась к гусям, схватила свою уточку-плосконосочку, закусила, ощипала дочиста, съела, а косточки и пёрышки зарыла под печью; сама же как ни в чём не бывало легла спать и спала до бела дня. Проснулась, потянулась, огляделась; видит — одна хозяйка в избе.

— Хозяюшка, а где хозяин? — спрашивает лиса. — Мне бы надо с ним проститься, поклониться за тепло, за угрев.

— Вона, хватилась хозяина! — сказала старуха. — Да уж он теперь, чай, давно на базаре.

— Так счастливо оставаться, хозяюшка, — сказала, кланяясь, лиса. — Моя плосконосочка уже, чай, проснулась. Давай её, бабушка, скорее, пора и нам с нею пуститься в дорогу.

Старуха бросилась за уткой — глядь-поглядь, а утки нет! Что будешь делать, где взять? А отдать надо! Позади старухи стоит лиса, глаза куксит, голосом причитает: была у неё уточка, невиданная, неслыханная, пёстрая в прозолоть, за уточку ту она бы и гуська не взяла.

Испугалась хозяйка, да и ну клониться лисе:

— Возьми же, матушка Лиса Патрикеевна, возьми любого гуська! А уж я тебя напою, накормлю, ни маслица, ни яичек не пожалею.

Пошла лиса на мировую, напилась, наелась, выбрала что ни есть жирного гуся, положила в мешок, поклонилась хозяйке и отправилась в путь-дороженьку; идёт, да и припевает про себя песенку:

Лисичка-сестричка
Тёмной ноченькой
Шла голодная;
Она шла да шла,
Ошмёток нашла —
Добрым людям сбыла:
За ошмёток — курочку,
За курочку — уточку,
За уточку — гусёночка!

Шла лиса и приумаялась. Тяжело ей стало гуся в мешке нести: вот она то привстанет, то присядет, то опять побежит. Пришла ночь, и стала лиса ночлег промышлять; где в какую дверь ни постучит, везде отказ. Вот подошла она к последней избе да тихонько, несмело таково стала постукивать: тук, тук, тук, тук!

— Чего надо? — отозвался хозяин.

— Обогрей, родимый, пусти ночевать!

— Негде, и без тебя тесно!

— Я никого не потесню, — отвечала лиса: — сама лягу на лавочку, а хвостик под лавочку, — и вся тут.

Сжалился хозяин, пустил лису, а она суёт ему на сбережение гуся; хозяин посадил его за решётку к индюшкам. Но сюда уже дошли с базару слухи про лису.

Вот хозяин и думает: „Уж не та ли это лиса, про которую народ бает?“ — и стал за нею присматривать. А она, как добрая, улеглась на лавочку и хвост спустила под лавочку; сама же слушает, когда заснут хозяева. Старуха захрапела, а старик притворился, что спит. Вот лиска прыг к решётке, схватила своего гуся, закусила, ощипала и принялась есть. Ест, поест, да и отдохнёт — вдруг гуся

А лиса с испугу дышит не отдышится, а как поотдохнула, то стала сама с собой разговаривать, стала себя спрашивать:

— Ушки мои, ушки, что вы делали?

— А мы слушали да слушали, чтоб собака лисоньку не скушала.

— Глазки мои, глазки, вы что делали?

— А мы глядели да глядели, чтобы собака лисоньку не съела!

— Ножки мои, ножки, вы что делали?

— А мы бежали да бежали, чтоб собака лисоньку не поймала.

— Хвостик, хвостик, ты что делал?

— А я не давал тебе ходу, за все пеньки да сучки цеплялся.

— А, так ты не давал мне бежать! Постой, вот я тебя!— сказала лиса и, высунув хвост из норы, закричала собаке: — На вот, съешь его!

Собака схватила лису за хвост и вытащила из норы.

Кошечка

Сидит кошечка
На окошечке.
Пришёл кот,
Стал кошку спрашивать,
Стал выспрашивать:

— О чём киска плачет,
О чём слезу ро́нит?
— А как же мне не плакать,
Как слёзы не ронить:
Повар съел печёночку
Да сказал на кисочку;
Хотят киску бить,
Ушки теребить.

Скороговорки

Бежит лиса по шесточку, лизни, лиса, песочку.

Съел молодец тридцать три пирога с пирогом,
да все с творогом.

Загадки

По сеням и так и сяк, а в избу никак.
(Дверь.)

Новая посудина вся в дырах.
(Решето.)

По́ полу скок и по лавкам скок,
сядет в уголок — не воро́хнется.
(Веник.)

Утка в море, хвост на заборе.
(Ковш.)

ЗАЙЧИК

ИГРА

Выбирают зайчика и обступают его хороводом. Зайчик всё время пляшет, поглядывая, как бы выпрыгнуть из круга; а хоровод ходит вокруг, напевая:

Заинька, попляши,
Серенький, поскачи,
Кружком, бочком повернись,
Кружком, бочком повернись!
Заинька в ладоши,
Серенький, в ладоши,
Кружком, бочком повернись,
Кружком, бочком повернись!
Есть зайцу куда выскочить,
Есть серому куда выскочить,
Кружком, бочком повернись,
Кружком, бочком повернись!

При этом некоторые из играющих ослабляют руки, указывая, где зайчик может прорваться.

Зайчик припадает к земле, высматривает место, откуда выскочить, и, прорвавшись там, где не ждали, убегает.

Медведь половинщик

сказка

Жил-был мужичок в крайней избе на селе, что стояла подле самого леса. А в лесу жил медведь и, что ни осень, заготовлял себе жильё, берлогу, и залегал в неё с осени на всю зиму; лежал да лапу сосал. Мужичок же весну, лето и осень работал, а зимой щи и кашу ел да квасом запивал. Вот и позавидовал ему медведь; пришёл к нему и говорит:

— Соседушка, давай задружимся!

— Как с вашим братом дружиться: ты, Мишка, как раз искалечишь! — отвечал мужичок.

— Нет, — сказал медведь, — не искалечу. Слово моё крепко — ведь я не волк, не лиса: что сказал, то и сдержу! Давай-ка станем вместе работать!

— Ну ладно, давай! — сказал мужик.

Ударили по рукам.

Вот пришла весна, стал мужик соху да борону ладить, а медведь ему из лесу вязки выламывает да таскает. Справив дело, уставив соху, мужик и говорит:

— Ну, Мишенька, впрягайся, надо пашню подымать.

Медведь впрягся в соху, выехали в поле. Мужик, взявшись за рукоять, пошёл за сохой, а Мишка идёт впереди, соху на себе тащит. Прошёл борозду, прошёл другую, прошёл третью, а на четвёртой говорит:

— Не полно ли пахать?

— Куда тебе, — отвечает мужик, — ещё надо дать концов десятка с два!

Измучился Мишка на работе. Как покончил, так тут же на пашне и растянулся.

Мужик стал обедать, накормил товарища, да и говорит:

— Теперь, Мишенька, соснём, а отдохнувши, надо вдругорядь перепахать.

И в другой раз перепахали.

— Ладно, — говорит мужик, — завтра приходи, станем боронить и сеять репу. Только уговор лучше денег. Давай наперёд положим, коли пашня уродит, что кому брать: всё ли поровну, всё ли пополам или кому вершки, а кому корешки?

— Мне вершки, — сказал медведь.

— Ну ладно, — повторил мужик, — твои вершки, а мои корешки.

Как сказано, так сделано: пашню на другой день заборонили, посеяли репу и сызнова заборонили.

Пришла осень, настала пора репу собирать. Снарядились наши товарищи, пришли на поле, повытаскали, повыбрали репу: видимо-невидимо её.

Стал мужик Мишкину долю — ботву срезывать, вороха

навалил с гору, а свою репу на возу домой свёз. И медведь пошёл ботву в лес таскать, всю перетаскал к своей берлоге. Присел, попробовал, да, видно, не по вкусу пришлась!..

Пошёл к мужику, поглядел в окно; а мужичок напарил сладкой репы полон горшок, ест да причмокивает.

„Ладно, — подумал медведь, — вперёд умнее буду!“

Медведь пошёл в лес, залёг в берлогу, пососал, пососал лапу, да с голодухи заснул и проспал всю зиму.

Пришла весна, поднялся медведь, худой, тощий, голодный, и пошёл опять набиваться к соседу в работники — пшеницу сеять.

Справили соху с бороной. Впрягся медведь и пошёл таскать соху по пашне! Умаялся, упарился и стал в тень.

Мужичок сам поел, медведя накормил, и легли оба соснуть. Выспавшись, мужик стал Мишку будить:

— Пора-де вдругорядь перепахивать.

Нечего делать, принялся Мишка за дело! Как кончили пашню, медведь [illegible] говорит:

— Ну, мужи[illegible], уговор лучше денег. Давай условимся теперь: на этот раз вершки твои, а корешки мои. Ладно, что ли?

— Ладно! — сказал мужик. — Твои корешки, мои вершки!

Ударили по рукам. На другой день пашню заборонили, посеяли пшеницу, прошли по ниве бороной и ещё раз тут же помянули, что теперь-де медведю корешки, а мужичку вершки.

Настала пора пшеницу убирать; мужик жнёт не покладаючи рук; сжал, обмолотил и на мельницу свёз. Принялся и Мишка за свой пай; надёргал соломы с корнями целые вороха и пошёл таскать в лес к своей берлоге. Всю солому переволок, сел на пенёк отдохнуть да своего труда отведать. Пожевал соломки — нехорошо! Пожевал корешков — не лучше того!

Пошёл Мишка к мужику, заглянул в окно, а мужичок сидит за столом, пшеничные лепёшки ест, бражкой запивает да бороду утирает.

„Видно, уж моя такая доля, — подумал медведь, — что из моей работы проку нет: возьму вершки — вершки не годятся; возьму корешки — корешки не едятся!“

Тут Мишка с горя залёг в берлогу и проспал всю зиму, да уж с той поры не ходил к мужику в работу. Коли голодать, так лучше на боку лежать.

Пословицы

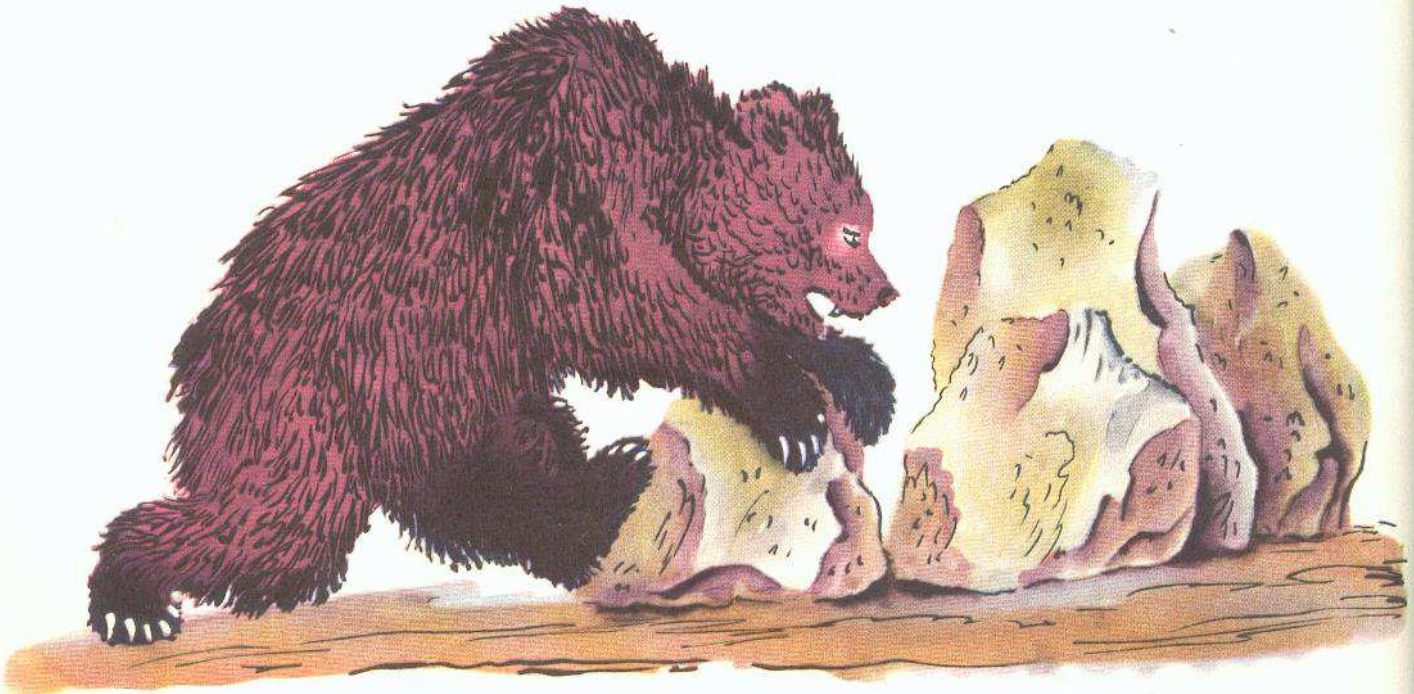
Хлеб-соль кушай, а правду слушай.

Правда в огне не горит, в воде не тонет.

Любишь кататься, люби и саночки возить.

Терпение и труд всё перетрут.

Медведь на работе каменья воро́тит,
Рак на колоде рубашку коло́тит,
Волки в болоте просо моло́тят,
Кот на печи сухари толчёт,
Кошка в окошке ширинку шьёт;
Курочка-рябушечка избу метёт,
Паук в углу основу снуёт,
Утка в юбке холсты точёт,
Селезень-пирожник пироги печёт,
Корова в рогоже всего дороже —
В закуте стоит, сыром-маслом доит.



ВОРОНА

СКАЗКА

Жила-была ворона, и жила она не одна, а с няньками, мамками, с малыми детками, с ближними и дальними соседками. Прилетели птицы из заморья, большие и малые, гуси и лебеди, пташки и пичужки, свили гнёзда в горах, в долах, в лесах, в лугах и нанесли яичек.

Подметила это ворона и ну перелётных птиц обижать, у них яички таскать!

Летел сыч и увидал, что ворона больших и малых птиц обижает, яички таскает.

— Постой, — говорит он, — негодная ворона, найдём на тебя суд и расправу!

И полетел он далеко, в каменные горы, к сизому орлу. Прилетел и просит:

— Батюшка сизо́й орёл, дай нам свой праведный суд на обидчицу-ворону! От неё житья нет ни малым, ни большим птицам: наши гнёзда разоряет, детёнышей крадёт, яйца таскает да ими своих воронят питает!

Покачал сизой орёл головой и послал за вороною лёгкого, меньшо́го своего посла—воробья. Воробей вспорхнул и полетел за вороной. Она было ну отговариваться, а на неё поднялась вся птичья сила, все пичуги, и ну щипать, клевать, к орлу на суд гнать. Нечего делать — каркнула и полетела, а все птицы взвились и следом за ней понеслись.

Вот и прилетели они к орлову жилью и обсели его, а ворона стоит посереди да обдёргивается перед орлом, охорашивается.

И стал орёл ворону допрашивать:

— Про тебя, ворона, сказывают, что ты на чужое добро рот разеваешь, у больших и малых птиц детёнышей да яйца таскаешь!

— Напраслина, батюшка сизой орёл, напраслина, я только одни скорлупки подбираю!

— Ещё про тебя жалоба до меня доходит, что как выйдет мужичок пашню засевать, так ты подымаешься со всем своим вороньём и ну семена клевать!

— Напраслина, батюшка сизой орёл, напраслина! Я с подружками, с малыми детками, с чадами, домочадцами только червячков из свежей пашни таскаю!

— А ещё на тебя всюду народ плачется, что как хлеб сожнут да снопы в копны сложат, то ты налетишь со всем своим вороньём и давай озорничать, снопы ворошить да копны разбивать!

— Напраслина, батюшка сизой орёл, напраслина! Мы это ради доброго дела помогаем — копны разбираем, солнышку да ветру доступ даём, чтобы хлебушко не пророс да зерно просохло!

Рассердился орёл на старую врунью-ворону, велел её засадить в острог, в решётчатый теремок, за железные засовы, за булатные замки. Там она сидит и по сей день!

РАСТОРОПНЫЕ РЕБЯТА

Была у какой-то хозяйки заморская вещь — хрустальный судок бочоночком, а в середине разгорожен пополам: в одну половину наливается уксус, в другую — масло, да так и подаётся на стол.

Послала хозяйка сына своего в лавочку с судком этим, велела купить масла прованского да уксусу.

Мальчик пришёл в лавку, заплатил деньги, подставил судок одним концом:

— Лей масла!

Потом, не заткнувши пробкой, перевернул:

— Лей уксус!

Да тоже пробкой не заткнул.

И пошёл домой. Мать увидела, что в нижней половине ничего нет, да и спрашивает:

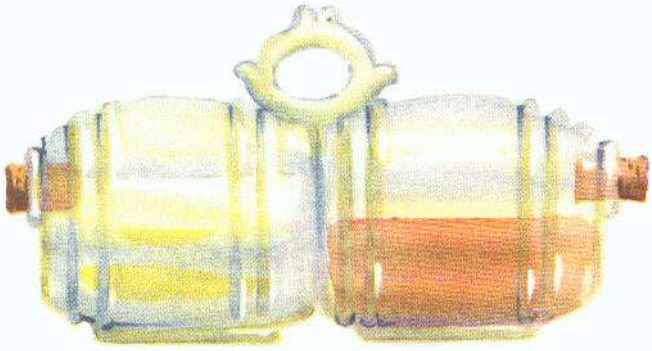
— Гриша, да где же у тебя уксус?

— А вот он, — говорит, — сверху.

— Ну, а масло-то где же?

— А вот оно, — отвечал Гриша и снова перевернул судок.

Прежде вытекло масло, а теперь и уксус — и Гриша остался ни при чём.



ЗАГАДКИ

Сидят три кошки. Против каждой кошки две кошки. Много ли всех?

(Три.)

Летела стая птиц на рощу; сели по две на дерево — одно дерево осталось; сели по одной — одного не достало. Много ли птиц и деревьев?

(Три дерева, четыре птицы.)

У семерых братьев по одной сестрице. Много ли сестриц?

(Одна.)

Скороговорки

Сыворотка из-под простокваши.

От топота копыт пыль по́ полю летит.

Бык тупогуб, тупогубенький бычок,
у быка бела губа тупа.

Летят три пичужки через три пустых избушки.

Шли сорок мышей, несли сорок грошей;
две мыши поплоше несли по́ два гроша.

ГУСИ-ЛЕБЕДИ

ИГРА

Выбрав двух или одного волка, смотря по числу детей, выбирают вожака, того, который заводит, то есть начинает игру. Все остальные представляют гусей.

Вожак становится на одном конце, гуси — на другом, а волки в стороне прячутся.

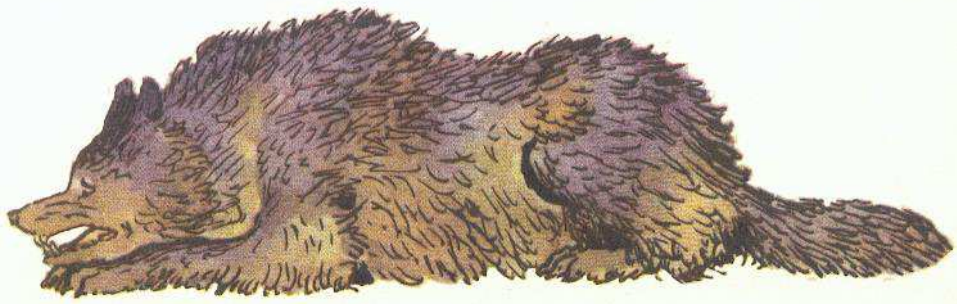
Вожак похаживает и поглядывает и как заметит волков, то бежит на своё место, хлопает руками, крича:

Вожак. Гуси-лебеди, домой!
Гуси. Почто?
Вожак. Бегите, летите домой,
Стоят волки за горой!
Гуси. А чего волкам надо?
Вожак. Серых гусей щипать
Да косточки глодать.

Гуси бегут, гогоча: „Га-га-га-га!“

Волки выскакивают из-за горы и бросаются на гусей; которых поймают, тех отводят за гору, и игра начинается снова.

Всего лучше в гусей-лебедей играть на воле, в саду.



ПРИВЕРЕДНИЦА

СКАЗКА

Жили-были муж да жена. Детей у них было всего двое — дочка Малашечка да сынок Ивашечка.

Малашечке было годков десяток или поболе, а Ивашечке всего пошёл третий.

Отец и мать в детях души не чаяли и так уж избаловали! Коли дочери что наказать надо, то они не приказывают, а просят. А потом ублажать начнут:

— Мы-де тебе и того дадим и другого добудем!

А уж как Малашечка испривереднилась, так такой другой не то что на селе, а, чай, и в городе не было! Ты подай ей хлебца не то что пшеничного, а сдобненького, — на ржаной Малашечка и смотреть не хочет!

А испечёт мать пирог-ягодник, так Малашечка говорит: „Ки́сел, давай медку!“ Нечего делать, зачерпнёт мать на ложку мёду и весь на дочернин кусок ухнет. Сама же с мужем ест пирог без мёду: хоть они и с достатком были, а сами так сладко есть не могли.

Вот раз понадобилось им в город ехать, они и стали Малашечку ублажать, чтобы не шалила, за братом смотрела, а пуще всего, чтобы его из избы не пускала.

— А мы-де тебе за это пряников купим, да орехов калёных, да платочек на голову, да сарафанчик с дутыми пуговками. — Это мать говорила, а отец поддакивал.

Дочка же речи их в одно ухо впускала, а в другое выпускала.

Вот отец с матерью уехали. Пришли к ней подруги и стали звать посидеть на травке-муравке. Вспомнила было девочка родительский наказ, да подумала: „Не велика

беда, коли выйдем на улицу!“ А их изба была крайняя к лесу.

Подруги заманили её в лес с ребёнком — она села и стала брату веночки плесть. Подруги поманили её в коршуны поиграть, она пошла на минутку, да и заигралась целый час.

Вернулась к брату. Ой, брата нет, и местечко, где сидел, остыло, только травка помята.

Что делать? Бросилась к подругам, — та не знает, другая не видела. Взвыла Малашечка, побежала куда глаза

глядят брата отыскивать; бежала, бежала, бежала, набежала в поле на печь.

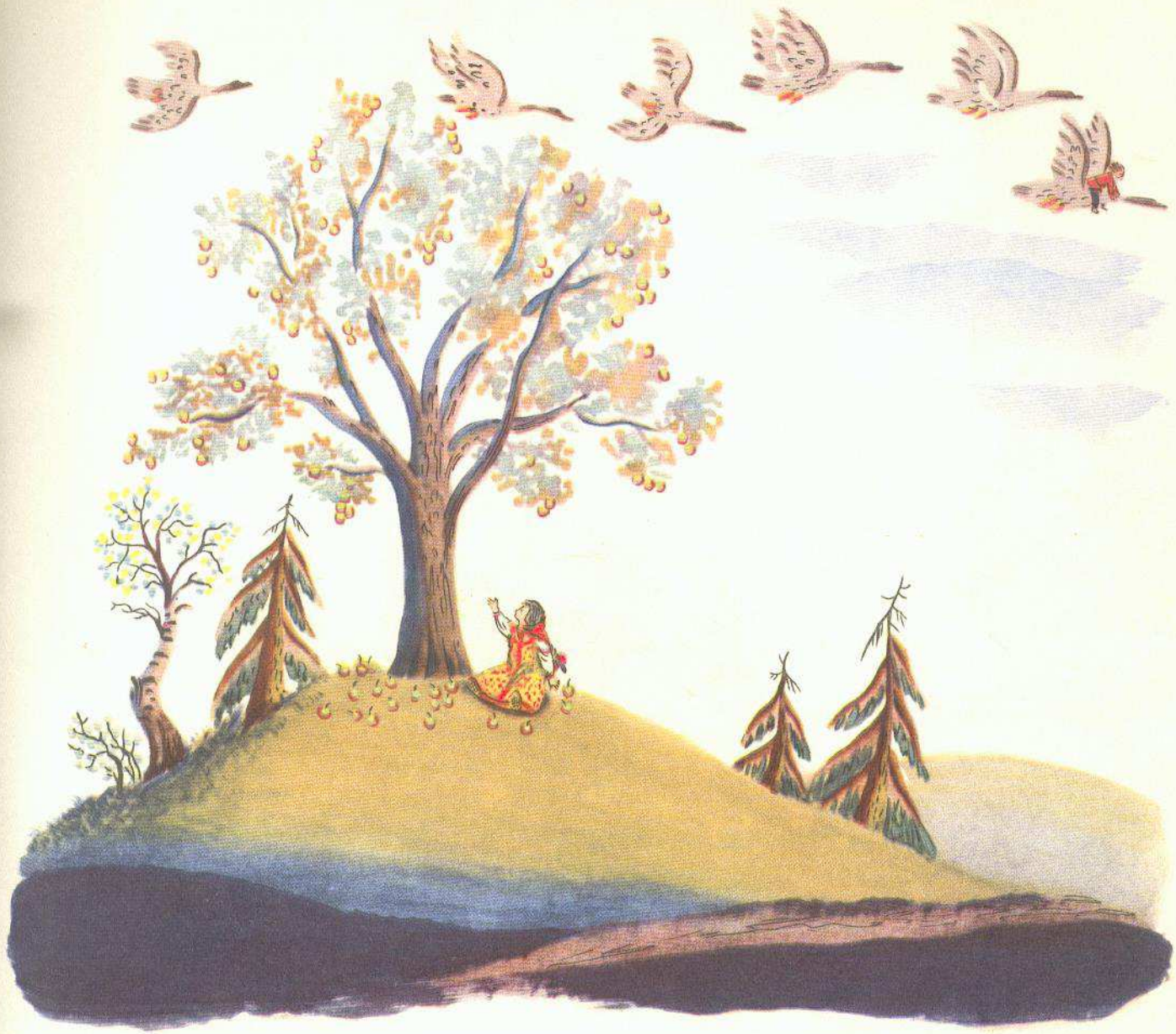
— Печь, печурка! Не видала ли ты моего братца Ивашечку?

А печка ей говорит:

— Девочка-привередница, поешь моего ржаного хлеба, поешь, так скажу!

— Вот, стану я ржаной хлеб есть! Я у матушки да у батюшки и на пшеничный не гляжу!

— Эй, Малашечка, ешь хлеб, а пироги впереди! — сказала ей печь.



Малашечка рассердилась и побежала далее. Бежала, бежала, устала, — села под дикую яблоню и спрашивает кудрявую:

— Не видала ли, куда братец Ивашечка делся?

А яблоня в ответ:

— Девочка-привередница, поешь моего дикого, кислого яблочка — может статься, тогда и скажу!

— Вот, стану я кислицу есть! У моих батюшки да матушки садовых много — и то ем по выбору!

Покачала на неё яблоня кудрявой вершиной, да и говорит:

— Давали голодной Маланье оладьи, а она говорит: „Испечены неладно!“

Малаша побежала далее. Вот бежала она, бежала, набежала на молочную реку, на кисельные берега, и стала речку спрашивать:

— Речка-река! Не видала ли ты братца моего Ивашечку?

А речка ей в ответ:

— А ну-ка, девочка-привередница, поешь наперёд моего овсяного киселька с молочком, тогда, быть может, дам весточку о брате.

— Стану я есть твой кисель с молоком! У моих у батюшки и у матушки и сливочки не в диво!

— Эх, — погрозилась на неё река, — не брезгай пить из ковша!

Побежала привередница дальше. И долго бежала она, ища Ивашечку; наткнулась на ежа, хотела его оттолкнуть, да побоялась наколоться, вот и вздумала с ним заговорить:

— Ёжик, ёжик, не видал ли ты моего братца?

А ёжик ей в ответ:

— Видел я, девочка, стаю серых гусей, пронесли они в лес на себе малого ребёнка в красной рубашечке.

— Ах, это-то и есть мой братец Ивашечка! — завопила девочка-привередница. — Ёжик, голубчик, скажи мне, куда они его пронесли?

Вот и стал ёж ей сказывать: что-де в этом дремучем лесу живёт Яга-баба, в избушке на курьих ножках; в послугу наняла она себе серых гусей, и что́ она им прикажет, то гуси и делают.

И ну Малашечка ежа просить, ежа ласкать:

— Ёжик ты мой рябенький, ёжик игольчатый! Доведи меня до избушки на курьих ножках!

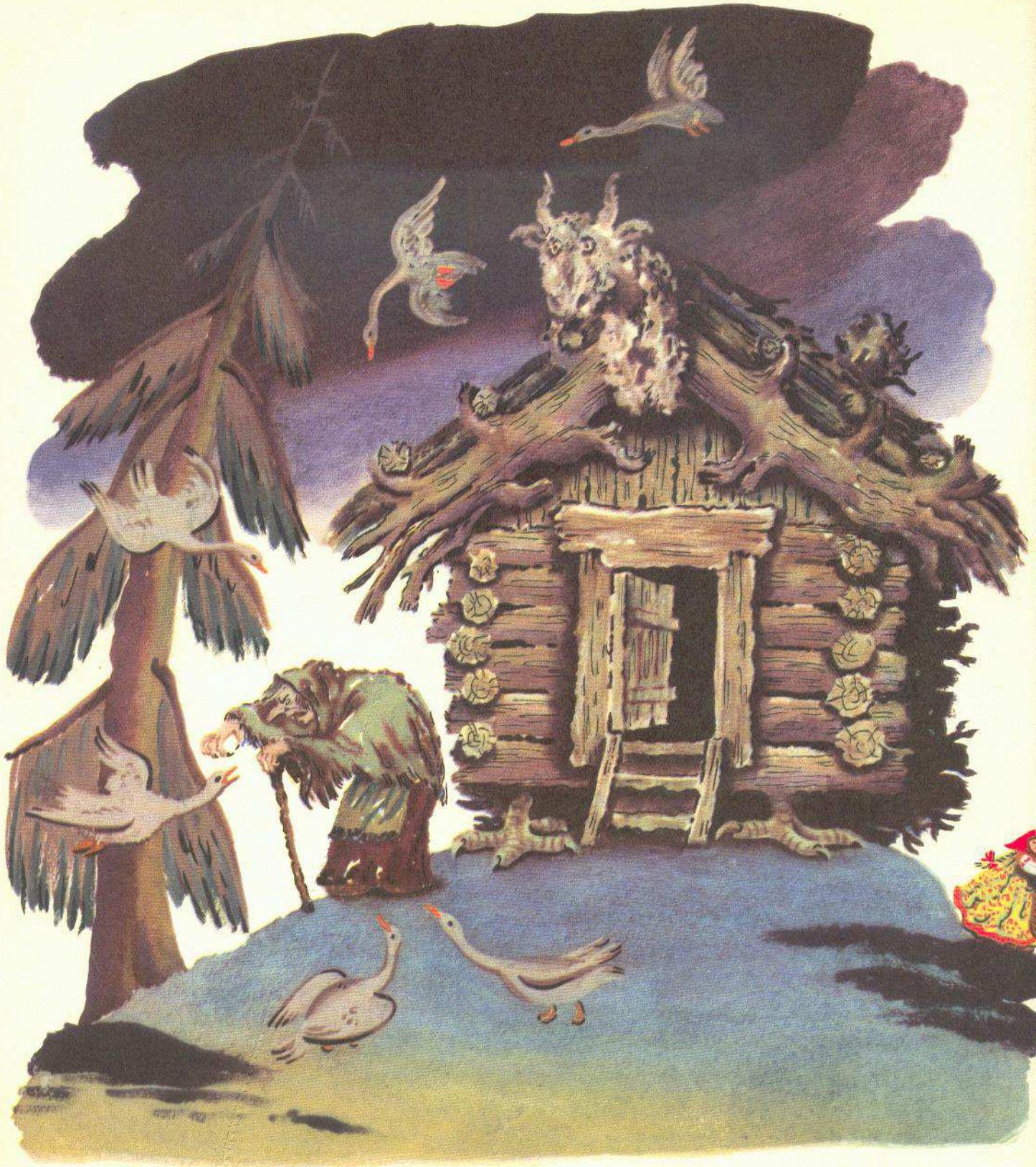
— Ладно, — сказал он и повёл Малашечку в самую чащу, а в чаще той все съедобные травы растут: кислица да борщовник, по деревьям седая ежевика вьётся, переплетается, за кусты цепляется, крупные ягодки на солнышке дозревают.

„Вот бы поесть!“ — думает Малашечка, да уж до еды ли ей! Махнула на сизые плетенницы и побежала за ежом. Он привёл её к старой избушке на курьих ножках.

Малашечка заглянула в отворенную дверь и видит — в углу на лавке Баба-Яга спит, а на прилавке Ивашечка сидит, цветочками играет.

Схватила она брата на руки, да и вон из избы!

А гуси-наёмники чутки. Сторожевой гусь вытянул шею, гагакнул, взмахнул крыльями, взлетел выше дремучего леса, глянул вокруг и видит, что Малашечка с братом бежит. Закричал, загоготал серый гусь, поднял всё стадо гусиное, а сам полетел к Бабе-Яге докладывать. А Баба-Яга — костяная нога так спит, что с неё пар валит, от храпа оконницы дрожат. Уж гусь ей в то ухо и в другое кричит — не слышит! Рассердился щипун, щипнул Ягу в самый нос. Вскочила Баба-Яга, схватилась за нос, а серый гусь стал ей докладывать:



— Баба-Яга — костяная нога! У нас дома неладно, что-то сделалось — Ивашечку Малашечка домой несёт!

Тут Баба-Яга как расходилась!

— Ах, вы трутни, дармоеды, из чего я вас пою, кормлю! Вынь да положь, подайте мне брата с сестрой!

Полетели гуси вдогонку. Летят да друг с дружкою перекликаются. Заслышала Малашечка гусиный крик, подбежала к молочной реке, кисельным берегам, низенько ей поклонилась и говорит:

— Матушка река! Скрой, схорони ты меня от диких гусей!

А река ей в ответ:

— Девочка-привередница, поешь наперёд моего овсяного киселя с молоком.

Устала голодная Малашечка, в охотку поела мужицкого киселя, припала к реке и всласть напилась молока. Вот река и говорит ей:

— Так-то вас, привередниц, голодом учить надо! Ну, теперь садись под бережок, я закрою тебя.

Малашечка села, река прикрыла её зелёным тростником; гуси налетели, покрутились над рекой, поискали брата с сестрой, да с тем и домой полетели.

Рассердилась Яга пуще прежнего и прогнала их опять за детьми. Вот гуси летят вдогонку, летят да меж собой перекликаются, а Малашечка, заслыша их, прытче прежнего побежала. Вот подбежала к дикой яблоне и просит её:

— Матушка зелёная яблонька! Схорони, укрой меня от беды неминучей, от злых гусей!

А яблоня ей в ответ:

— А поешь моего самородного кислого яблочка, так, может статься, и спрячу тебя!

Нечего делать, принялась девочка-привередница дикое яблоко есть, и показался дичок голодной Малаше слаще наливного садового яблочка.

А кудрявая яблонька стоит да посмеивается:

— Вот так-то вас, причудниц, учить надо! Давеча не хотела и в рот взять, а теперь ешь над горсточкой!

Взяла яблонька, обняла ветвями брата с сестрой и посадила их в серёдочку, в самую густую листву.

Прилетели гуси, осмотрели яблоню — нет никого! Полетели ещё туда, сюда, да с тем к Бабе-Яге и вернулись.

Как завидела она их порожнём, закричала, затопала, завопила на весь лес:

— Вот я вас, трутней! Вот я вас, дармоедов! Все пёрышки ощиплю, на ветер пущу, самих живьём проглочу!

Испугались гуси, полетели назад за Ивашечкой и Малашечкой. Летят да жалобно друг с дружкой, передний с задним, перекликаются:

— Ту-та, ту-та? Ту-та не-ту!

Стемнело в поле, ничего не видать, негде и спрятаться, а дикие гуси всё ближе и ближе; а у девочки-привередницы ножки, ручки устали — еле плетётся.

Вот видит она — в поле та печь стоит, что её ржаным хлебом потчевала. Она к печи:

— Матушка печь, укрой меня с братом от Бабы-Яги!

— То-то, девочка, слушаться бы тебе отца-матери, в лес не ходить, брата не брать, сидеть дома да есть, что отец с матерью едят! А то „варёного не ем, печного не хочу, а жареного и на дух не надо!“

Вот Малашечка стала печку упрашивать, умаливать: вперёд-де таково не буду!

— Ну, посмотрю я. Пока поешь моего ржаного хлебца!

С радостью схватила его Малашечка и ну есть да братца кормить!

— Такого-то хлеба я отроду не видала — словно пряник-коврижка!

А печка, смеючись, говорит:

— Голодному и ржаной хлеб за пряник идёт, а сытому и коврижка вяземская не сладка! Ну, полезай теперь в устье, — сказала печь, — да заслонись заслоном.

Вот Малашечка скоренько села в печь, затворилась заслоном, сидит и слушает, как гуси всё ближе подлетают, жалобно друг дружку спрашивают:

— Ту-та, ту-та? Ту-та не-ту!

Вот полетали они вокруг печки. Не нашед Малашечки,

опустились на землю и стали промеж себя говорить: что им теперь делать? Домой ворочаться нельзя: хозяйка их живьём съест. Здесь остаться также не можно: она велит их всех перестрелять.

— Разве вот что, братья, — сказал передовой вожак: — вернёмся домой, в тёплые земли, — туда Бабе-Яге доступа нет!

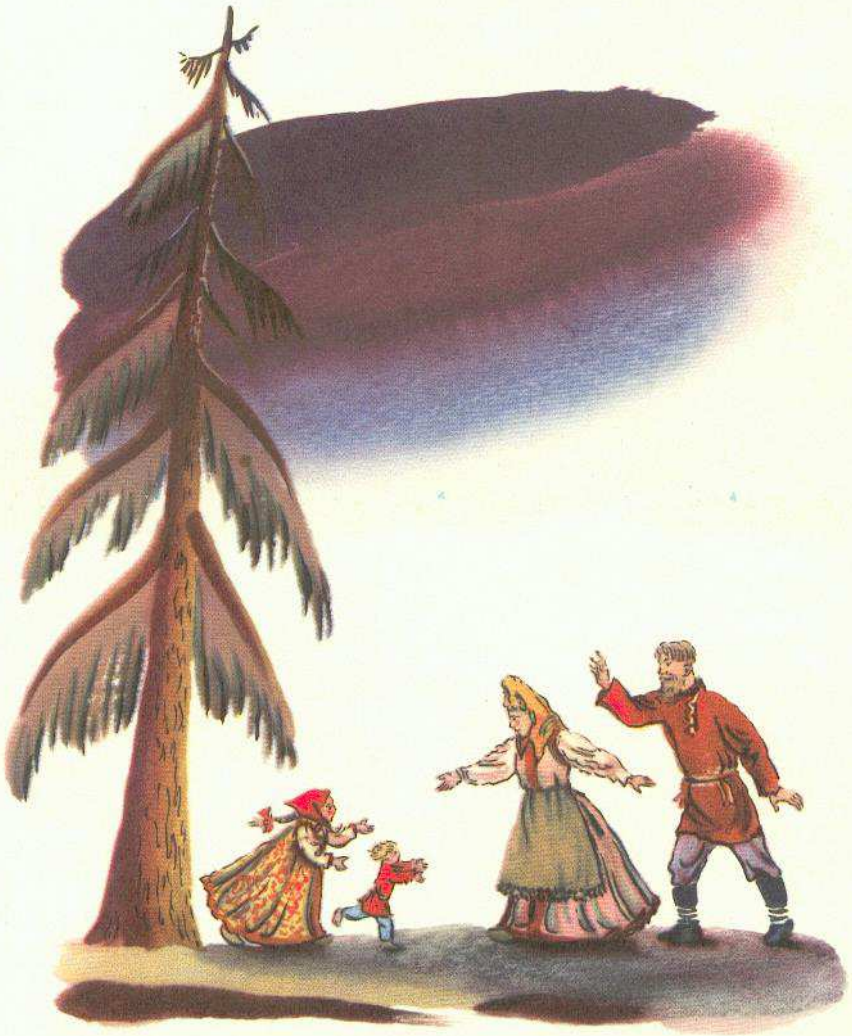
Гуси согласились, снялись с земли и полетели далеко-далеко, за синие моря.

Отдохнувши, Малашечка схватила братца и побежала домой, а дома отец с матерью всё село исходили, каждого встречного и поперечного о детях спрашивали; никто ничего не знает, лишь только пастух сказывал, что ребята в лесу играли.

Побрели отец с матерью в лес, да подле села на Малашечку с Ивашечкой и наткнулись.

Тут Малашечка во всём отцу с матерью повинилась, про всё рассказала и обещала вперёд слушаться, не перечить, не привередничать, а есть, что другие едят.

Как сказала, так и сделала, а затем и сказке конец.



СОДЕРЖАНИЕ

И. Халтурин. Собиратель слов 3

Старик-годовик 9
Загадки 13
Девочка Снегурочка. *Сказка* 14
Загадки. Пословицы 22
Журавль и цапля. *Сказка* 23
Пословицы. Загадки. Скороговорка 29
Полетушки. *Игра* 30
Война грибов с ягодами. *Сказка* 31
Загадка. Пословицы 34
Кузовок. *Игра* 35
Лиса и Медведь. *Сказка* 36
Пословицы 42
Лиса-лапотница. *Сказка* 43
Кошечка. *Песенка* 53
Скороговорки. Загадки 54
Зайчик. *Игра* 55
Медведь-половинщик. *Сказка* 56
Пословицы 61
„Медведь на работе...“ *Песня* 62
Ворона. *Сказка* 64
Расторопные ребята. *Побасенка* 67
Загадки 68
„Как по мосту, по мосточку...“ 69
Скороговорки 70
Гуси-лебеди. *Игра* 71
Привередница. *Сказка* 72

83

ДЛЯ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Даль Владимир Иванович

СТАРИК-ГОДОВИК

Ответственный редактор
Л. Я. Либет

Консультант
по художественному оформлению
П. И. Суворов

Технический редактор
М. А. Кутузова

Подписано в печать 27/IV-1966 г. Формат
60 × 92 1/8 - 10,5 печ.л. (9,29 уч.-изд.л.)
Тираж 150 000 экз. Цена
1 р. 30 к. на бум. № 1.
Издательство „Детская литература"
Москва, М. Черкасский пер., 1.
III 9 5